

В десятку!

де-то к концу беседы Эммануил Виторган скажет: — Мы с Аллой Балтер оставляем впечатление абсолютно благополучных людей, не обделенных ни деньгами, ни славой, ни почестями. Однако мы никогда не входим ни в какие рейтинги и опросы,

мы никогда не получали никаких премий или наград — хотя играем отнюдь не эпизодические роли. Совсем недавно нам дали первое в жизни звание: заслуженный артист России. Даже когда мы восемь долгих лет жили в общагине, все были убеждены, что мы хорошо обеспеченные люди. В те годы я успокаивал Аллочку: «Брось ты переживать: всем дадут квартиры, некому будет давать — и нам достанется». Первый в своей жизни ордер на квартиру я держал, когда мне стукнуло сорок лет... У нас всегда занимают деньги. Когда у нас их нет, я подзаимаю, чтобы другим занять, потому что совсем не умею отказывать. Я живу в доме, где «новые русские» купили себе квартиры, во дворе стоят суперавтомобили. Когда эти люди видят нас в «Жигулях», спрашивают: «Как ты водишь такую машину вообще?» Отвечаю: «Не вожу я машину». Один из них усмехается: «Это понятно: у меня тоже шofer, но как же можно в принципе садиться в такой автомобиль?» Я улыбаюсь. Не стану же я им объяснять, что машину у меня водит жена...

Мощный он такой, артист Виторган. Дремоту из собеседника выбивает широким ударом плеча. И шагает широко. Энергией своей побеждая дремоту жизни. Такой вот вывод. Первоначальный.

— Должен сказать, что я разительно отличаюсь от тех людей, которых играю в кино. Может быть, это и прозвучит немного солидно, но я действительно хочу, чтобы всем было хорошо. В отличие от своих экранных персонажей я никогда не позволял себе никого оскорблять...

— Представим ситуацию, весьма типичную: у вас сломался кран на кухне. Кто идет на поклон к жэку?

— Когда ломается кран, первое мое желание: заткнуть его какой-нибудь тряпкой, чтобы только не ходить никуда. Я жутко нервничаю, когда разговариваю с советской властью. Так что в большинстве случаев в жэк идет Аллочка — ей удается со всеми договориться.

— А зрители отождествляют вас с вашими персонажами?

— Самое поразительное, что не отождествляют. Мне-то кажется, что я переиграл такое количество мерзавцев, что должен вызывать у людей отрицательные эмоции. Но нет этого. Я иногда в очереди стою в магазине, а люди начинают говорить: «Да чего ты стоишь? Проходи давай...» Я начинаю краснеть, потеть, плюю и выхожу из магазина. Так что и тут меня тоже Аллочка спасает.

Широкоплечий Виторган, который не ходит в жэк? Широкошагающий Виторган, который краснеет в магазине? Расплавленные мозги мои не сразу воспринимают сию информацию. А как же такому человеку жить в наше традиционно непростое время, когда... Сами знаете что — лень мне перечислять то, что всем известно.

А мне известно, что дом Виторгана находится почти вплотную к Белому дому.

— Эммануил Гедионович, сильно натерпелись в кровавом октябре?

— Да нет, чуть-чуть нас задело. Так, ерунда. Мы никуда не уезжали из квартиры, ездили на спектакли. ОМОН нас без конца проверял, не смотря на то, что в лицо нас знают прекрасно. Натерпелись магазины, которые рядом — их жутко разграбили. Мы как-то возвращаемся домой, а весь наш двор завален коробками из-под телевизоров, из-под видеков. Как назло, перед самыми событиями две фуры груженые пришли. Все разграбили, из коробок вынимали, чтобы тащить было легче. Но и это ерунда в сравнении с тем, что я видел собственными глазами и уже никогда не смогу простить тем людям. Когда танки на мосту начали стрелять по окнам, находились сволочи, которые делали ставки: попадет танкист по окну или нет. Я видел собственными глазами человеческое подонство. Это был шок! Неважно, как ты лично относишься к тем, кто сидел тогда в Белом доме, но они тоже люди.

«Вот в такое время мы живем, — думаю я. — Жэки, магазины — ерунда. Время, интеллигентно говоря, трудное. И так получается, что в это время киногероям Виторгана жить удобнее, чем самому артисту».

— А на что вы сегодня вообще-то живете, в смысле денег?

— На мои приработки, я бы сказал так — на мое имя. У нас с Аллочкой есть спектакль, нас приглашают с ним в разные города, мы ездим. Для меня в жизни всегда самым главным был театр — потом уже семья, заработки и так далее. И я представить себе не мог, что когда-нибудь что-либо смогу поставить выше театра. Я играл больной, почти падая. Как большинство артистов. Не думал, что наступят такие времена, когда я смогу обратиться в театр и сказать: «Будьте добры, вот в эти дни меня не занимайте, пожалуйста, в репертуаре, потому что в это время я буду зарабатывать деньги». Потому что на ту зарплату, которую мы имеем, прожить невозможно. Такие времена, однако, наступили.

«Такие времена не только наступили, но уже и раздавили кой-кого», — думаю я. Сидящий передо мной широкоплечий человек, который искренне хочет, чтобы всем было хорошо, впе-

НЕ ВЕРЬТЕ ВИТОРГАНУ, КОГДА ОН ЗЛОЙ

Записки дошедшего человека

чатления раздавленного не производит. Отнюдь. «Почему?» — спрашиваю я себя. А себя спрашивать не надо. И даже Виторган не надо. Надо слушать историю, которую он про себя рассказывает — и все становится ясно.

— Мне посчастливилось работать с Георгием Александровичем Товстоноговым. Мы работали хорошо, интересно, хотя и началось все с конфликта. Было это, когда в ленинградском Ленкоме ставили «Вестсайдскую историю» — едва ли не первый мюзикл в советском драматическом театре. Товстоногов был постановщиком, а помогал ему его сын Сандро Товстоногов и Владимир Воробьев. Они репетировали, а Георгий Александрович уже смотрел некий этап... Надо тут заметить, что у меня такой чисто профессиональный склад: не умею я брать роль нахрапом. Пока я ее не ощупал по-настоящему, могу тихо говорить, бубнить что-то себе под нос. Приходит на репетицию Георгий Александрович, садится в огромном зале и... буквально не слышит, что я говорю. Подзывает молодых режиссеров: «Надо менять артиста». Они попытались было меня защитить, говорили, что я интересен репетирую, но спорить с Товстоноговым невозможно. В этот же день появляется приказ, в котором на мою роль назначается еще один

артист. Я продолжаю ходить на репетиции, сижу себе в конце зала. И вдруг через несколько дней Георгий Александрович говорит: «Где этот артист снятый? Пусть идет репетировать». Радостный Сандро подбегает ко мне — мол, иди репетируй, он разрешил. Я говорю: «Не пойду!» Сандро, мне кажется, чуть с ума не сошел: как так? Если старший Товстоногов сказал — нужно мчаться. «Не пойду», — говорю я. — Меня приказом сняли, пусть приказом назначают обратно». Сандро возвратился к отцу ни с чем, и я только услышал, как Георгий Александрович вскричал: «Как не идет?!» Сандро бедный — опять ко мне, а я — свое: «Сказал — не пойду». И ушел из зала. Потом, правда, все успокоилось, мы репетировали просто душа в душу, и на банкете, после премьеры, маэстро встал и сказал: «Поднимаю тост за Эммануила. Вот так надо работать...» Я, конечно, был тронут. А после этого Георгий Александрович ставил «Униженных и оскорбленных» и назначил меня... на две роли. Причем я должен был играть двух антиподов. — Такой нетрадиционный шаг говорит о том, что великий режиссер заботился о вас как об артисте? — Думаю, да.

Несмотря на всю жесткость Товстоногова, он любил артистов с характерами. Достаточно вспомнить звезд ленинградского БДТ, чтобы это стало очевидным. Характер... Вот важное слово. Не натпись, не нахрап — характер.

— Эммануил Гедионович, а какие, на ваш взгляд, качества характера настоящего мужчины сегодня сохранить труднее всего? — Думаю, труднее всего сохранить возможность делать подарки.

— Вы в каком смысле говорите: духовном или материальном? — Материальном, к сожалению.

— Разве подарок измеряется деньгами? Можно поехать за город, нарвать полевых цветов... — Наверное, можно. Но до этого моя фантазия как-то не доходила. А вот настоящие подарки дарить все труднее.

— Понимаю, что об этом лучше спрашивать вашу жену, а не вас. Но уж коль скоро мы беседуем с вами, скажите: делали ли вы такие подарки, которыми сами гордитесь? — Я придумал новый способ дарить подарки близким людям: я делаю это в собственный день рождения. В их — это само собой, но для меня колоссальный кайф в свой день рождения дарить подарки им.

Духота, заставляющая меня дремать, каким-то

невероятным образом исчезала. Этот человек создавал вокруг себя свежее пространство. По известным причинам мне трудно ответить на вопрос: почему женщина живет (или не живет) с мужчиной, но в отношении Виторгана у меня есть одно предположение: наверное, хорошо дышится рядом с человеком, который умеет создавать свежее пространство.

— Сколько лет вы женаты на актрисе Алле Балтер?

— В этом году будет серебряная свадьба. — Она — потрясающе красивая женщина. Наверное, когда вы идете рядом, на нее все смотрят. Как в этом случае вы боретесь с ревностью?

— Не вы первый спрашиваете меня об этом, и Аллочка даже иногда обижается, когда я отвечаю, что не ревную вовсе. Более того, мне даже приятно, когда люди смотрят на мою жену.

— Предположим. А когда звонят незнакомые мужчины по телефону, неужели вы не спрашиваете грозно: «Кто это такой?»

— Они не звонят. При мне, во всяком случае.

— А проблемы типа «кто моет посуду или идет за картошкой?» — как вы решаете?

— У нас нет таких проблем.

— Вы приехали со съемок, вам надо отдохнуть, а жена тут рядом смотрит телевизор — скандал?

— Понимаете, Аллочка очень чуткий человек, и если она видит, что я устал — она просто никогда не включит телевизор... Мы двадцать пять лет вместе буквально ежминутно. Мы работаем в одном театре, все отпуска, все свободное время проводим вместе. Никакого рецепта, как можно не надоесть друг другу, у меня нет. Поверьте, я для этого ничего специально не делаю, даже не думаю об этом... — И что, вообще никогда не кричите друг на друга?

— У нас бывают такие мимолетные ссоры, но, как правило, по поводу каких-то творческих проблем. Кричать? Я могу повысить гопос, Аллочка — никогда.

— Вы первый раз женаты?

— Второй.

— Ваша первая жена — тоже актриса?

— Да. Мы учились в одном институте. Потом поехали вместе с другими ребятами в Псков, а там почти каждый месяц премьеры, мы играли все время влюбленных — ну и долюбились. К тому же комнаты были рядом. Привыкли друг к другу, очевидно. Потом родилась дочка Ксюша. От той поры остались самые хорошие воспоминания... Мне кажется, что у меня не много грехов в жизни, но то, что я оставил дочь, — это самый большой грех.

«Стоп», — говорю я себе. Ты и так залез слишком далеко, в ту область человеческой жизни, куда чужих не пускают. Таковы правила. И потом, что я все про любовь да про любовь?

Виторган — отец, воспитавший сына по имени Максим. Вопреки воле родителей сын пошел такти в актеры, и когда наступила пора выпускных экзаменов, Виторган решил поставить со своим сыном дипломный спектакль, чтобы самому понять: хорошо ли Максима выучили и на что он способен. Сын категорически отказался распределяться в Театр имени Маяковского — чтобы его не считали блатным. Работает в тюз.

— Скажите, чего вам сейчас больше всего в жизни не хватает?

— Хватает всего. Конечно, я получил от жизни не все, что заслужил, но какую-то часть получил. Это не слишком самонадеянно звучит? Но, понимаете, я ведь уже прожил большую часть жизни — и творческой, и физической — и, мне кажется, имею право на подобные выводы.

Вот ведь как интересно: я-то про себя думал, что я — человек, дошедший от духов до полного изнеможения, а я — человек, дошедший до другого человека. А это, как говорится, две большие разницы. Теперь, когда буду видеть очередных злодеев Эммануила Виторгана, я буду им немножко не верить. Чуть-чуть. Потому что... Да я думаю, вы сами прекрасно понимаете — почему. Кстати, когда я вышел из Театра Маяковского, мне показалось, что на улице как-то посвежело. Что бы это могло значить?..

Андрей МАКСИМОВ.

ВИТОРГАН Эммануил Гедионович

— актер театра и кино. Родился 27 декабря 1939 года. Знак зодиака — Козерог. Окончил Ленинградский театральный институт. Играл в спектаклях, поставленных Г. А. Товстоноговым. Переехал в Москву, стал работать в Театре имени Станиславского, где участвовал в знаменитых постановках: «Взрослая дочь молодого человека», «Сирано де Бержерак»... Последние годы — артист Театра имени Маяковского. Снял более чем в 60 кинолентах, где преимущественно играл людей нехороших и злых. Супруга — актриса Алла Балтер. Сын Максим Виторган, артист Московского тюза, уже начал сниматься в кино. В семье есть автомобиль «Жигули», который водит жена.

Виторган Эммануил

184